

ЛАБОРАТОРИЯ И СЦЕНА ВОСПИТАТЕЛЯ А.С. МАКАРЕНКО¹

Гётц Хиллиг,
макаренковед,
Германия

Командирская педагогика

Взяв у военных и бойскаутов формы и символы, которые соответствовали интересам подростков к играм, духу приключений и романтики, Макаренко, опираясь на здравый смысл, который у него относился к педагогическим категориям, создал в колонии им. М. Горького систему с правами и обязанностями, индивидуальной властью командования и коллективной ответственностью. При этом он нарушил обычную иерархическую структуру коллектива (командир — старший колонист — колонист — воспитанник), разделённого по производственному принципу на отряды, назначив временных командиров для руководства сводными отрядами, составленными для выполнения специальных краткосрочных заданий.

Макаренковское самоуправление можно характеризовать как «систему постоянно меняющихся ответственностей»: в результате назначения командиров сводных отрядов происходила постоянная замена начальников и подчинённых («приказ и подчинение товарища товарищу»), ответственных перед коллективом. В результате часть воспитанников получали на время руководящие функции и все приобретали соответствующий опыт: робкие — в руководстве, лидеры — в подчинении.

Это очень важное усложнение системы отрядов Макаренко в 1933 г. охарактеризовал как «самое важное изобретение нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории... Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряда, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист».

Макаренко отбросил традиционные модели «чистого» самоуправления. Исходя из «логики хозяйствования», говорится в одном из писем «завкола» (январь 1925 г.), «самоуправление делается суммой функций труда, хозяйствования, ответственности и контроля, а отнюдь не функцией болтовни и резолюций». И в ходатайстве Макаренко в августе того же года отмечается: «Вся система самоуправления должна быть построена... по типу демократического централизма, как можно более широким развитием метода уполномочий и поручений и с наименьшим употреблением действий в решении «толпового» типа».

Тем самым он выступил против существовавшего тогда в детских учреждениях УССР общего собрания как высшего органа самоуправления (которое как решающий орган было и в колонии им. М. Горького, и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского) и, прежде всего, против избранных «всем детколлективом «детских исполкомов», которые, по его мнению (так было записано в воспитательных программах «Дзержинки» 1928 г.), обыкновенно представляют собой чисто бюрократические верхушки в детском коллективе. Самый же главный недостаток такого самоуправления состоит в том, что оно включает в себе очень небольшую часть детей, обычно не более 5%, действительным же активом является только президиум из нескольких человек. «Детисполкому» Макаренко противопоставил в качестве исполнительного органа коллегию из руководителей постоянных отрядов — Совет командиров, который регулировал будни колонии.

Командиры отрядов, в соответствии с высказываниями Макаренко, в первое время назначались им самим, позднее кооптировались членами Совета и, наконец, избирались отрядом или общим собранием. В действительности отбор командиров «завкол» всегда

1

Окончание. Начало
см.: НО. 2003. № 2.

оставлял за собой. Правда, в двух сообщениях об инспекции (1922 г.) и посещении (1924 г.) колонии им. М. Горького речь идёт о выборе, а не о назначении командиров, что можно отнести к соответствующему высказыванию «завкола». А в актах исследования (1927 г.) о переведённой в Куряж колонии особенно выделяется факт отсутствия демократической легитимности самоуправления. Там записано: «Командиров назначают, везде всех назначают, выборность отсутствует»; они «были избраны только один раз, полтора года тому назад, по прибытии колонии в Харьковский округ».

Сначала Макаренко удавалось успешно противостоять «политической инструментации» (Х. Гизеке) руководимого им воспитательного учреждения. Об этом свидетельствуют его возражения против навязываемых извне планов основания комсомольской ячейки или пионерского отряда в колонии им. М. Горького, которые он обосновывал стремлением сохранить целостность коллектива воспитанников. Так, в одной из анкет в начале 1923 г. он пишет: «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается». А в сообщении посетительницы колонии летом 1924 г. по этому же поводу говорится: «Пед. коллектив (т.е. Макаренко. — Г.Х.) считает невозможным ввести особую ячейку в колонию, чтобы не дробить ребят, но неформально все ребята считают себя комсомольцами».

После проверки учреждения полтавским губпрокурором в сентябре 1924 г., который, между прочим, отметил, что там «собеседований на политтемы некому устраивать», Наркомпросом УССР было принято решение «договориться с ЦК КСМУ о выделении работника со стажем на должность воспитателя-политруководителя». Такой человек (Л.Т. Коваль) спустя 9 месяцев начал свою деятельность в «педагогической провинции» с организации комсомольской ячейки — с целью укрепления её связи с советским обществом, — выступая при этом не только как воспита-

тель и политруководитель, но и как заместитель (и тем самым контролёр) беспартийного «завкола».

Сменяющиеся командиры были лично ответственны за свой отряд и имели право давать указания. Они определяли процесс формирования мнения в коллективе. Среди воспитанников это привело к перемене сознания — они воспринимали себя всё больше и больше хозяевами и гордо заявляли посетителям, что всё они сделали сами, и Макаренко без них ничего не смог бы сделать. Однако одна из очевидиц предсказала, что такая система, определяемая «единой волей», существует и исчезает вместе с личностью заведующего, его выдающимися способностями и харизматическим влиянием — его отстранение или смерть будут означать конец данной системы, тем самым ставя рамки для перенесения и воспроизведения макаренковской педагогики. Этой свидетельницей была Н.Ф. Остроменцкая, автор этнографического доклада о колонии им. М. Горького, одного из важнейших источников для исследования практикуемой там воспитательной системы.

«Чистка» наследия классика

Содержательный очерк украинской журналистки Остроменцкой «Навстречу жизни» уже более двадцати лет существует в немецком переводе и охотно используется студентами, преподавателями и исследователями. Но в СССР, как ни странно это звучит, этот труд остался неизвестным. Соответствующий номер журнала «Народный учитель», где он был опубликован, не находится среди той части наследия Макаренко, которую его вдова Галина Стахивна в своё время отдала Центральному госархиву литературы и искусства. Таким образом, очерк никогда не перепечатывался и никогда не цитировался в советском макаренковедении.

Решение хранилища наследия скрыть этот материал можно объяснить её стремлением не навредить процессу канонизации Макаренко как ведущего педагога

Советского Союза, начавшемуся в 1940 году. Публикация очерка Остроменцкой (конец марта 1928 г.) стала последним звеном в развязывании общественной кампании против «макаренковской системы». К этому обострению ситуации приложила руку и Н.К. Крупская, что в конце концов привело к увольнению Макаренко с должности заведующего колонией им. М. Горького. Ссылаясь на московский журнал, в котором появилась статья Остроменцкой, зам. наркома просвещения Крупская в своей речи на VIII Всероссийском съезде Ленинского комсомола 8 мая 1928 г. об упомянутых там побоях в «доме им. Горького на Украине» сказала: «Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа, это школа рабская, школа крепостническая, и даже если только один факт такой есть, необходимо с ним тщательно бороться».

То, что под словами «дом им. Горького на Украине» имелась в виду руководимая им колония в Куряже, Макаренко понял из изложения выступления Крупской в пионерских газетах и журналах, выходивших в Харькове — «Октябрьские всходы», «На зміну», «Червоні квіти». На деликатность этого положения дел впервые указал западнонемецкий учёный Оскар Анвайлер, автор программной статьи «А.С. Макаренко и педагогика его времени» (1963 г.), а именно на международном макаренковедческом симпозиуме 1966 года во Флото. Это выступление было опубликовано в журнале «Neue Sammlung» (Новое собрание. 1966. № 6) под заголовком «Ещё раз об А.С. Макаренко и педагогике его времени».

Одновременно с канонизацией Макаренко началась также и пропаганда педагогических взглядов Крупской, скончавшейся всего за несколько недель до смерти Антона Семёновича. Поэтому бдительная Галина Стахивевна решила убрать все следы, которые могли указать на конфликт между обоими «ведущими советскими педагогами». Из архива Макаренко были изъяты не только документы и публикации, посвящённые этой темати-

ке, но и письма к нему Остроменцкой 1926–1928 гг. — они также стали жертвой «чистки» архива. А ответы «завкола» на них (всего их восемь) благодаря счастливому стечению обстоятельств сохранились. Эти письма детская писательница Надежда Остроменцкая лишь в начале 50-х годов (вместе с копией авторской машинописи макаренковской статьи «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького») передала московской Лаборатории по изучению педагогического наследства А.С. Макаренко.

Другим наблюдателем опыта колонии им. М. Горького, свидетельство которого в (пост)советском макаренковедении (за исключением Н.Н. Оксы) не принято к сведению, был полтавский профессор педагогики Г.Г. Ващенко. Этот учёный — автор некоторых статей периода 1925–1928 гг. о местных учреждениях для перевоспитания несовершеннолетних, — также опубликовал в рукописном (!) сборнике статей «5 лет работы с детьми-правонарушителями», который осенью 1925 г. вышел «под редакцией проф. Ващенко», вышечитированный «Очерк...». В неведении относительно данной публикации макаренковский материал — на основе уже упомянутой, представленной Остроменцкой копии его авторской машинописи — позже в немного сокращённом виде был включён (с пометкой «публикуется впервые») в семитомник Сочинений педагога-писателя.

В предисловии Ващенко к уникальной книге 1925 г. говорится о колонии им. М. Горького («учреждение, которым вправе гордиться Полтава») таким образом: «Колония не только не применяет какого-то индивидуального подхода к правонарушителям, но принципиально не интересуется прошлым детей и стремится к тому, чтобы они его забыли. Большие достижения в работе колонии объясняются исключительно умелой организацией жизни правонарушителей на основе производительного труда. Дети работают в хозяйстве, и сама работа показывает, какие организационные формы более всего

подходят для работы. Для развития у детей чувства ответственности перед коллективом, а также для выработки у них здоровых норм поведения работа ведётся по определённому плану, выработанному самими детьми при участии воспитателей, и, кроме того, ведётся тщательный учёт как труда детей, так и труда воспитателей. Можно не соглашаться с некоторыми деталями в работе колонии им. Горького, но основная идея, на которой базируется последняя мысль, о том, что главным условием для здорового воспитания несовершеннолетних правонарушителей является целесообразная организация их коллективной жизни, — безусловно, верна».

Полтавскому учёному принадлежит также (а именно в статье, вышедшей в 1928 г.) следующее указание на эффективность и широкую «автоматизацию» воспитательного процесса в макаренковском учреждении, переведённом тем временем в Куряж: «Заведующий колонией, который пользовался у колонистов большим авторитетом, иногда вообще не вмешивался в их жизнь. Он мог выехать из колонии на несколько дней, будучи уверенным, что заведённый в ней порядок не нарушится. Последствия воспитательного воздействия колонии на своих воспитанников были очень значительны. Сюда принимались несовершеннолетние правонарушители, самый тяжёлый материал для воспитания. Но через некоторое время после поступления в колонию воспитанники её в большинстве случаев очень изменялись. Они проникались своеобразным присущим колонии патриотизмом, оставляли свои преступные привычки, а главное, приобретали любовь и уважение к труду».

Г.Г. Ващенко — единственный учёный-педагог, обративший уже в середине 20-х годов внимание на Макаренко, за деятельностью которого в колонии им. М. Горького он следил «с критической симпатией» (З. Вайц). После Второй мировой войны учёный жил в Мюнхене и был критически настроен к Макаренко, «ставшим» в то время в СССР выдающимся советским педагогом. Просматривая прессу

20-х и 30-х годов тех городов, где работал педагог-писатель, я уже в 70-е годы натолкнулся на ващенкоўские украиноязычные публикации о Полтавской колонии им. М. Горького. В эмиграции автор сознательно не упоминал о них.

Воспитательные меры и их взаимосвязь

В распоряжении Макаренко был большой набор воспитательных мер, которыми он мастерски пользовался. Для него не существовало непогрешимых и ненужных средств. Поэтому он использовал такие воспитательные меры, как стимул, требование, похвала и наказание: «Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания».

Впрочем, под дисциплиной Макаренко понимал не внешнюю, основанную на силе дисциплину, а как результат воспитания дисциплинированность, режим, социальное устройство, при котором воспитанникам предстоит жить. Каждый должен признать, что ему предоставляются свобода и безопасность, которые наполняют его гордостью и достоинством. Этому способствует процесс обобществления, так как «лишь обобществление даёт независимость, создаёт автономию» (М. Винклер). В соответствии с этим в «Методике организации воспитательного процесса» говорится: «Дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение и создаёт полную уверенность в своём праве, в путях и возможностях именно для каждой отдельной личности».

При этом Макаренко особенно предостерегал от односторонней ориентации на интересы ребёнка и, в связи с этим, отказа от воспитания «эмоции долга». Так, в составленном им в 1928 г. (а опубликованном лишь в 1984 г.) «Операционном плане педагогической работы трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» речь идёт о том, что «в нашей педагогике осо-

бенно надеются на значение интереса. Решительно всё должно подноситься нашему ребёнку в занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, всё должно его заинтересовать, всё должно пройти через его психику по специально облегчённым путям, без усилия и напряжения с его стороны, без неприятностей». Педагог здесь говорит о «гибельности такой воспитательной политики» и обосновывает своё мнение следующим образом: «Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности».

Макаренко выступал за разработку педагогической технологии, основанной на «изучении чётко определимого содержания педагогического процесса» (М. Винклер). При этом для него важна соответствующая взаимосвязь отдельных воспитательных средств: «Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько велика, что для воспитания строителя-большевика и убеждённого буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приёмов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки храма, и для постройки рабочего клуба. Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонизированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т.е. тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано».

Организованная до мелочей, даже инсценированная, но при этом чрезвычайно разнообразная жизнь в колонии им. М. Горького с собственными правилами и традициями была ориентирована на будущее. Типичны задачи, которые открывают личные и коллективные перспективы, «радости завтрашнего дня», как вообще горьковское «проектирование хороше-

го в человеке». Всё это укрепляло самознание бывших «детей улицы» и помогало им начать новую жизнь. Этому способствовало также и получение школьного образования, которое готовило воспитанников к будущей трудовой жизни, а также к возможному переходу на рабфак и, таким образом, поступлению в вуз.

Макаренко подчёркивал необходимость планомерного ведения воспитательного процесса, причём понятие требования имело центральное значение. «Как можно больше требований к воспитаннику, как можно больше уважения к нему» — это известное высказывание Макаренко уже в 1927 г. было названо одной из харьковских газет важнейшим лозунгом Куряжской колонии.

Воспитанник Константин Белковский, который «осел» только в колонии им. М. Горького, рассказал в уже цитированном интервью в 1932 г. и о том, что она отличалась от других учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, и что именно это, в конце концов, побудило его там остаться: «Мне уже надоела моя прежняя жизнь, но тем не менее я хотел бежать, потому что я полагал, что никто, кроме моих товарищей, не будет смотреть на меня как на полноценного человека. Но знания, которые нам здесь давали, и коллективная жизнь с самоуправлением, а также то, что с нами обращались как с настоящими людьми, начали нам нравиться. Раньше нас никто не уважал. Здесь мы сразу нашли любовь и уважение, как только мы что-то делали правильно».

Театрализованные ритуалы в жизни колонии

Для Макаренко, который считал себя скорее организатором, чем педагогом, колония им. М. Горького была не только экспериментальной лабораторией, но и сценой для представления соответствующих «результатов исследований» общественности. Уже отмечалось, что будни в колонии носили черты инсценировки. Н.Ф. Остроменцкая пишет даже о «театрализации»

как «средстве воспитания, использованном самым широким образом», и иллюстрирует сказанное описаниями «театральных образностей» при проведении общего собрания или при приёме рапортов отдельных отрядов в кабинете «завкола». Всё это можно причислять к ритуалам, которые, как известно, внесут свой вклад в дело создания стабильной системы отношений между личностью и общиной.

Как приют для сирот Корчака в Варшаве, так и колония им. М. Горького имела собственную законодательность. Так, наряду с регулярно устраиваемыми театральными представлениями, в макаренковской колонии были и сознательно инсценированные судебные заседания в форме традиционного товарищеского суда, который проходил по установленному торжественному обряду «со знаменем и судебным исполнителем». Этот суд быстро превратился, как следует из отчётной ведомости о состоянии колонии за 1923 год, в «кафедру по теории поступков». И одновременно был занятным зрелищем для живущих по соседству крестьян, которые на открытые заседания суда ходили с таким же удовольствием, как и на театральные представления. То же самое касалось и других мероприятий и, прежде всего, «Праздника первого снопа», на котором колонисты демонстрировали своим соседям и гостям из города театрализованные представления перед началом уборки урожая.

Такой же «театральный ритуал» Остроменцкая наблюдала и при наказаниях, учинявшихся «завколом». Это более свидетельствует о том, что Макаренко был не только экспериментатором, но и актёром, который умел использовать сцену под названием «колония им. М. Горького» для демонстрации своей педагогики и своей личности. Дословно об этом в отчёте путешественницы можно прочитать следующее: «А.С. Макаренко умеет не забыть, он играет, он хороший актёр и никогда не переигрывает, его публика всегда им заражена и покорена, он всегда ведёт её за собой. Сам он о себе говорит: «Я не педагог, я актёр».

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Колония им. М. Горького представляет собой также и арену, на которой разыгрывается самый известный и наиболее значительный роман Макаренко «Педагогическая поэма», литературное отражение поставленного там воспитательного опыта. Это произведение при активной поддержке Максима Горького было опубликовано в 1934–1936 гг. в Москве. Уже в 1936 г. рецензент поставил «Поэму» в один ряд с «Эмилией» Руссо и «Линардом и Гертрудой» Песталоцци. Результаты опроса, проведённого в 1985–1986 гг. среди профессоров педагогики «старой» ФРГ в рамках рекомендуемой литературы («Библиотека педагогических классиков»), показывают, что эта книга была отмечена как одно из 12 важнейших произведений мировой литературы. И совсем недавно члены Немецкого общества научной педагогики внесли «Педагогическую поэму» в «десятку» наиболее значительных книг по педагогике XX века.

Когда исследователи обратили внимание на публикации о колонии им. М. Горького 20-х годов и на архивные документы, начала вырисовываться неоднозначная картина. Раньше наши знания о работе Макаренко основывались прежде всего на «Педагогической поэме», а основное значение для его полного понимания имела проблематика «правды и вымысла».

На специфику литературных произведений педагога Макаренко лишь недавно снова обратил внимание М. Винклер — речь идёт о тесной взаимосвязи теоретического познания и художественного изображения: «Педагогическое содержание и правду о происходящем в колонии им. М. Горького Макаренко мог выразить только через литературный вымысел. Он вновь подтверждает познание, известное ещё со времён Руссо и Жан Поля, что проблемы и структуры воспитания и образования можно осознать и изобразить не в «обычной» предметной теории, а посредством литературы. Сложный и случайный

характер воспитания, отражающий его неразрывную связь между объективными, рационально постижимыми условиями и взаимоотношениями, личностными и, наконец, историческими совпадениями требуют создания мировоззрения, выходящего далеко за рамки научных дискуссий».

ПАДЕНИЕ С «ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КАНАТА»

Наглядный пример проблематики «правды и вымысла», фантастического приукрашивания и напряжения», представляет хорошо известный эпизод из «Педагогической поэмы» — неожиданная реакция заведующего колонией Антона Семёновича на отказ от работы воспитанника Задорова, охарактеризованная автором как падение с «педагогического каната». Во второй главе 1-й части читаем: «В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-весёлый ответ:

— Иди сам наруби, много вас тут!

— Это впервые ко мне обратились на «ты».

В состоянии гнева и обиды, доведённый до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел. Я, вероятно, ещё бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

— Простите, Антон Семёнович...

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей. Бурун что-то спешил поправить в costume.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

— Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чёртовой матери!

И вышел из спальни».

В следующей главе «Характеристика первичных потребностей» Макаренко снова возвращается к этому эпизоду. Он пишет: «В области дисциплины случай с Задоровым был поворотным пунктом. Нужно правду сказать, я не мучился угрызениями совести. Да, я избил воспитанника. Я пережил всю педагогическую несурзность, всю юридическую незаконность этого случая, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук — дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мной задачей».

В 1936 г. в письме к читательнице «Педагогической поэмы» Т.А. Миллер автор следующим образом оправдывает свой поступок: «...пощёчина Задорову не была ошибкой. Скажу грубее: без этого мордобоя не было бы колонии Горького и не было бы никакой поэмы. Но пусть это не смущает Вас: я ведь признаю, что в такой пощёчине есть преступление. Это я говорю совершенно серьёзно — преступление. Бить морды нельзя, хотя бы и в некоторых случаях это было и полезно». И в одной из своих лекций в московском Наркомпросе (1938 г.) Макаренко подчеркнул, что «побои» Задорова — «это не было наказание. Это также было требование». Само собой разумеется, что не только рецензенты в отзывах на «Педагогическую поэму», но позже и макаренковеды ломали себе голову, как рассматривать это падение с «педагогического каната» в научно-педагогическом плане.

У большинства действующих лиц «Педагогической поэмы» есть прототипы, фамилии которых лишь незначительно изменены (Биндюк — Бендюк, Белковский — Ветковский, Колос — Голос, Калябалин — Карабанов и т.д.). Задорова это касается лишь относительно — он после вышеописанного случая больше не совершал проступков и оставался одним из

главных действующих лиц. Воспитанника, которого ударил Макаренко, звали Роман Затонов. Он оставался в колонии им. М. Горького всего несколько месяцев, и таким образом автору «Поэмы» он послужил лишь отправной точкой для развития литературного образа Задорова. (Интересно, что сразу несколько бывших колонистов утверждали, что именно они были этим положительным героем и также получили знаменитую «пощечину».)

В составленном А.С. Макаренко в январе 1928 г. «Операционном плане...» речь идёт о том, что «правильная и точная политика принуждения» в детучреждениях «должна находиться в руках опытного, знающего и тактичного человека», а именно заведующего. При этом «...принуждение может иногда принять форму насилия, если без него обойтись невозможно». И далее в этом документе можно прочесть: «Возражая решительно против физического наказания, мы всё же считаем, что в некоторых случаях применение физической силы бывает необходимо, главным образом с целью задержки, остановки».

О таком случае Макаренко упоминает — как раз в январе 1928 г. — в письме в редакцию газеты «Харьковский пролетарий», где он заступает за подчинённого ему заведующего колонией, который за избивание воспитанников должен быть предстать перед судом. Там он пишет: «В одной из колоний подросток избил до синяков воспитательницу, а через день кухарку. Его упрятали в допр. Какая-либо авторитетная пощёчина могла бы остановить развитие этого хулигана. По самой идеалистической этике этот случай не так легко разрешается, ибо что особенно идеалистического заключается в допре? Заведующему, в безобразных условиях его работы, в момент, когда нужно немедленно действовать, иногда очень трудно найти точную линию с точки зрения этики или права, и он выбирает ту, которая представляется ему целесообразной настолько, что совпадает с необходимостью».

Вышеприведённая оценка эпизода с Задоровым из 3-й главы «Педагогической

поэмы», где говорится: «Да, я избил воспитанника...», уже цитируется Остроменцкой, которая во время своего пребывания в Харьковской колонии им. М. Горького смогла получить в своё распоряжение некоторые материалы «завкола». Однако в этом раннем варианте в цитате не упоминается ни случай, лежащий в её основе, ни «жертва». В качестве ссылки на источник здесь приводится рукопись А.С. Макаренко над заголовком «Из опыта Полтавской колонии им. Горького», причём, по всей вероятности, речь идёт о (несохранившейся) подготовительной работе к раннему варианту «Педагогической поэмы». Остроменцкая, которая в Куряже слышала о случаях, подобных «побоям» Задорова, делает вывод, что для детей, выросших на улице и, таким образом, знакомых с ужасными обычаями, «удар любимого воспитателя вовсе не производит впечатления жестокости, к тому же со стороны старшего товарища он и не оскорбителен, а т. Макаренко именно старший товарищ, а не начальствующее лицо».

И то, что не было известно макаренковедом до сих пор, — о случае, который побудил заведующего колонией им. М. Горького ударить одного из своих первых воспитанников, в действительности речь шла не об отказе от работы — об этом уже свидетельствуют опросы Колоса и Белковского. Как видно из переписки автора с Ф.И. Науменко, оба воспитанника общались между собой (от Белковского учёный получил адрес Колоса). Они лишь после неоднократного запроса, безусловно согласовав своё свидетельство, уклончиво ответили таким образом: «Затонов занимался азартной картёжной игрой и уходил «на гулянки». Однако повод для вмешательства Макаренко, о котором умолчали очевидцы, был намного важнее. Деликатный секрет лишь недавно раскрыл украинский макаренковед Н.Н. Окса.

Затонов, признанный лидер первой группы воспитанников, скрыл на комиссии свой действительный возраст — на самом деле ему было не 18, а уже 20 лет. При этом нужно учесть, что правонаруше-

ния, совершённые лицами, которым исполнилось 19 лет, рассматривались в суде. Так, полтавская газета «Вісти/Известия» сообщила 11 декабря 1920 г. о расстреле 17 поимённо названных лиц в возрасте от 19 до 53 лет за участие в заговорах, выступлениях против Советской власти, бандитизм и дезертирство. Однако, как следует из других сообщений местной печати, иногда и 18-летних молодых людей отправляли не в комиссию, а в суд, где их приговаривали к смерти. Так, на основании регулярно публикуемых списков «врагов Республики», «расстрелянных по постановлению Коллегии Полтавского Губчека», можно заключить, что 20 января 1921 г. это касалось 35 человек, среди которых и 18-летний юноша, который пять месяцев подряд состоял в вооружённой националистической банде и был «арестован с винтовкой и револьвером в руках». Когда стало известно, что Затонов значительно перешагнул возрастную границу, действительную для пребывания в воспитательных учреждениях, он должен был покинуть колонию. Колос встречал его в последний раз в 1922 г. в Полтаве.

То обстоятельство, что причиной для поступка Макаренко послужил чрезвычайный случай, можно косвенно заключить из неопубликованных воспоминаний его тогдашней спутницы жизни, скончавшейся в 1973 г. Елизаветы Григорович — Елизаветы Григорьевны в «Педагогической поэме» (подобно Гертруде у Песталотци). Там речь идёт о том, что «удару» (в единственном числе) Задорова (т.е. Затонова) не придавалось такое значение — «поворотный момент в жизни колонии», как это изображено в «Поэме» и её экранизации.

О происшедшем Елизавета Григорович сообщила в 1972 г. Н.Н. Оксе, и начинающий макаренковед хранил тайну почти 30 лет и впервые рассказал об этом в студенческой аудитории в январе 2000 г., когда в рамках моего учебного занятия в Марбургском университете возник этот вопрос. По словам бывшей воспитательницы, Затонов, после «прогулки» в Полтаву вернувшийся в состоянии лёгкого опьянения со своими товарищами в колонию, пытался её изнасиловать.

Если Затонов действительно хотел овладеть спутницей Макаренко, это означало бы, конечно, вызов последнему. Тем самым становится понятной кажущаяся чрезмерной реакция «завкола», а также его высказывание о том, что если бы он не ударил Задорова, не было бы колонии им. М. Горького и не было бы «Педагогической поэмы».

Несомненно, именно после этого инцидента воспитательница решила оставить колонию и стала студенткой. Во всяком случае, в июне 1921 г. она, как член Губсовета защиты детей, принимает участие в проверке колонии. Но спустя несколько месяцев Елизавета вернулась к своему Антону и вместе с ним охотно продолжала его дело. Обстоятельства внезапного ухода и возвращения она тщательно скрывала от начальства, коллег, друзей и дотошных макаренковедов. Именно поведение Елизаветы Григорович убеждает нас в правдивости её свидетельства, а версия, появившаяся в «Поэме», ещё раз иллюстрирует, насколько художественно и психологически убедительно Макаренко-писатель умел обращаться с материалом, который был в распоряжении Макаренко-педагога. ■

